

УДК 133.4
ББК 86.42
Г67

Гор, Олег.

Г67

Просветленные рассказывают сказки. 9 уроков, чтобы избавиться от долгов и иллюзий и найти себя / Олег Гор. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Просветление без правил).

ISBN 978-5-04-103243-2

Внутри этой книги на самом деле есть сказки — «Сказки Пустоты». Записал и пересказал их бизнесмен Олег Гор. Несколько лет назад волею случая он оказался в маленьком буддийском монастыре на севере Таиланда, где в течение нескольких месяцев проходил обучение у «неправильного монаха» брата Пона.

Там были и многочасовые медитации, и сложные духовные практики, и непростые задания неутомимого и ехидного Учителя. И, конечно же, долгие беседы и мудрые притчи — «Сказки Пустоты». Спустя годы, уже в России, Олег Гор рассказал о своих приключениях в серии книг «Просветление без правил», а потом понял, что услышанные им притчи и истории образуют единое повествование, еще один слой учения «неправильного монаха».

«Сказки Пустоты» не просто занимательные, но и полезные. Если воспринимать их осознанно, они сами по себе способны вызывать благоприятные изменения в сознании, но еще полезнее сопровождать их практикой. Книга содержит методики и упражнения для тех, кто хочет изменить жизнь в лучшую сторону, обрести истинную свободу и избавиться от проблем, которые мы так охотно вешаем на себя сами.

УДК 133.4
ББК 86.42

ISBN 978-5-04-103243-2

© Гор О., текст, 2019
© Каратаев С., иллюстрации, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

содержание

Предисловие. Сказки Пустоты	5
Глава 1. Отверженное «я»	13
Глава 2. Тело как Пустота	49
Глава 3. Выкапывая корни	87
Глава 4. Геенна Невежества	123
Глава 5. Пламя алчности	159
Глава 6. Пламя ненависти	197
Глава 7. Тайный язык мироздания	237
Глава 8. Единство пути	281
Послесловие. Наставления практикующему	317

ПРЕДИСЛОВИЕ. СКАЗКИ ПУСТОТЫ

О сказках Пустоты я узнал в тот день, когда примерил одеяние послушника в буддийском монастыре.

Как все произошло, как я встретился с братом Поном и очутился в обители Тхам Пу, спрятанной в джунглях Северного Таиланда, — подробно описано в книге «Просветленные не ходят на работу». Но «Просветленные рассказывают сказки» предназначены для всех, их может читать кто угодно, даже тот, кто впервые видит имя Олег Гор на обложке.

Внутри на самом деле есть сказки, не просто занимательные, а еще и полезные. Плюс к ним прилагается некоторое количество практических методик для тех, кто хочет изменить жизнь в лучшую сторону, обрести истинную свободу и избавиться от проблем, которые мы так охотно вешаем на себя сами.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Но сначала вернемся в тот день, когда я узнал о сказках Пустоты...

Я с унынием смотрел на сандалии и антаравасаку из двух кусков ткани и пояса: ладно — обувь, но как использовать набор деталей, чтобы получилось удобное и симпатичное одеяние! Брат Пон изучал меня, наклонив голову к плечу, и в его черных глазах плясали искры веселья.

— Давай покажу... — он легко вскочил и жестом велел мне встать.

— А может, не надо? — не в первый уже раз буркнул я.

Я прожил в Таиланде не один год, привык к шортам и майке, и мне вовсе не хотелось расставаться с привычным «костюмом» ради того, чтобы превратиться в неудачное подобие служителя Будды.

— Из Пустоты можно извлечь много всего, — сказал брат Пон, крепкий, неопределенного возраста монах со странной прической: тем, кто ушел от мира, в буддизме положено брить голову, он же таскал настоящую гриву из черных косичек, какой не устыдился бы и ямайский растаман.

Термин «Пустота» он употреблял не первый раз, но я не понимал, о чем он говорит, принимал за фигуру речи и пропускал мимо ушей.

— ...в том числе и сказки, которые рассказывали за тысячи лет до этого момента и тысячи километров от места, где мы находимся, — продолжил брат Пон, аккуратно раскладывая части антаравасаки на земле. — Итак, жил в одном монастыре пожилой монах. Отличался он, несмотря на возраст, крепким здоровьем, ясным умом, даром речи и приятным обликом, всеми благими качествами, которыми только может судьба наделить человека...

Я заслушался, и раздражение, вызванное насильственной сменой одежды, понемногу стало гаснуть.

— Он участвовал во всех службах, приходил на помощь любому, кто просил, был первым в толковании философских вопросов и при этом никогда не превозносил себя. Любили его все — и братья, и миряне окрестных деревень. Вот только имелась у него одна странность... — брат Пон сделал паузу, и я нетерпеливо заерзал, ожидая продолжения.

Но сначала мне пришлось выслушать инструкцию — как сворачивать куски ткани, как подпоясываться. Затем я рискнул проделать это на практике, но в результате получился не послушник, а пугало, при виде которого умерли бы от смеха макаки из ближайшей чащи.

— ...имелась у него одна странность, — повторил брат Пон. — А именно присказка. Пожилой монах любил повторять «И ведь одна лепешка всему виной! Одна лепешка!» Многим хотелось узнать, что

он имеет в виду, но благородный восьмеричный путь обязывает к сдержанности, а уж мирянам и вовсе не положено расспрашивать носителей оранжевых одежд о пустых делах, так что никто не отваживался. Но однажды перед самым сезоном дождей, когда в небе начали гроздиться облака, а ветер задул с юго-запада, в монастырь явился послушник, молодой, со слегка косящими глазами...

Новая пауза, и новая попытка справиться с непокорным одеянием, совершенно не похожим на то, что мне приходилось носить ранее, и в Европе, и здесь, в Азии.

С братом Поном я общался всего ничего, но понял — он своего добивается всегда.

— Так много лучше, — заявил он, изучив меня от обутых в сандалии ног до мрачной физиономии: я-то ощущал себя совсем некомфортно и понимал, что мне до элегантности моего собеседника так же далеко, как до спутников Юпитера. — Так вот этот послушник... Однажды вечером, когда все дела оказались сделаны, обладатель косящих глаз не утерпел и обратился к пожилому монаху. «Почтеннейший, — сказал он, — позволь задать вопрос». «Конечно, — отозвался тот. — Слушаю тебя». И послушник, облизав пересохшие губы, произнес: «Что вы имеете в виду, когда говорите „И ведь одна лепешка все-му виной! Одна лепешка!“?» И все, кто в этот момент находились рядом, затаили дыхание и замерли.

Монах же улыбнулся и заявил: «Ты думаешь, ответ на этот вопрос поможет тебе в деле спасения?» Послушник же не смог вымолвить ни слова и только истово кивнул.

Тут брат Пон опять прервался, мне пришлось раздеться и одеться снова, и получилось у меня несколько быстрее: я перестал путаться в деталях одеяния и запомнил, как располагать пояс, чтобы он держал конструкцию.

— «Тогда я отвечу тебе, — сказал монах. — Дело было восемь жизней тому назад. Много воплощений я искупал тяжкую карму и только поднялся до человеческой участи. Родился в семье вора и сам стал вором, нищим, злобным, жадным и уродливым». Слушавшие это братья дружно вздохнули, ибо трудно было представить такое, — тут брат Пон покачал головой и поцокал языком, я же снова поерзал от нетерпения: чего он тянет? — «Очень любил я тогда поесть, и особенно — рисовые лепешки из тонкой муки, вот только доставались они мне редко. Однажды мне улыбнулась удача — я стащил такую лепешку. Удрал от стражников и спрятался в тени, в переулке, надеясь поскорее сожрать ее, набить утробу. Но тут я увидел голодного старика, просившего милостыню на углу, и что-то шевельнулось во мне, и вместо того, чтобы съесть лепешку самому, я взял и отдал ее». Монахи разразились одобрительными возгласами, а послушник растерянно нахмурился. «Только

благодаря этому дару я в этой жизни получил крепкое здоровое тело и ясный ум, смог понять пустоту и тлен этого мира и ушел от него, — добавил просветленный монах. — Всего одна лепешка. Одна!»

Брат Пон замолчал, испытующе глядя на меня.

— Это все? — спросил я, понимая, что больше не нервничаю по поводу нелепой одежды и непривычной обуви.

— Нет, — отозвался он. — Монах сказал, что видит прошлое того, кто спросил его. Послушник обрадовался, полагая, что узнает великие тайны... Просветленный же прищурился и заявил: «Глаза твои косы потому, что даже три жизни назад ты отличался неумеренным любопытством и развлекался тем, что подглядывал в окна к соседям». Теперь все.

— А мораль?

— Она на поверхности, — брат Пон улыбнулся широко-широко. — Не бойся отдавать. Лепешка ли, привычная одежда...

Тут я покраснел.

— ...со всем нужно расставаться легко, если к тому есть внешнее или внутреннее побуждение, — закончил монах. — И кроме того, нам неведомы последствия свершений. Своих, чужих, чьих угодно. Вот нацепил ты антаравасаку и не знаешь, к чему это приведет, что благодаря твоему новому одеянию случится с тобой даже через неделю. Нечего говорить о годе или нескольких столетиях!

СКАЗКИ ПУСТОТЫ

Я поскреб в затылке — тут он был прав.

— Ну что, осталась еще не обритая голова, — сказал брат Пон, и я понял, что испытания этого дня не закончились.

Словосочетание «сказки Пустоты» брат Пон больше не использовал, и только спустя годы, уже в России, я понял, что они образуют единое повествование, еще один слой учения, полученного мной от неправильного монаха. Если воспринимать их осознанно, они сами по себе способны вызывать благоприятные изменения в сознании у слушателя, а уж если сопровождать практикой, то эффект окажется сильнее и глубже.

ГЛАВА 1

ОТВЕРЖЕННОЕ

« Я »

— Дровосек бы лучше справился с этим делом, — пробормотал я, вытирая пот со лба.

Ворчал я на самом деле больше по привычке.

Да, я только что выкорчевал дерево в джунглях, на что ушел не один час, устал, как ездовая собака, заработал мозоли на ладонях и боль в мышцах. Солнце обожгло кожу на недавно обритой голове, а комары всласть попиروвали на открытых частях моего тела.

Но злости и раздражения — обычных спутников подобного состояния — я не испытывал, ощущал скорее чувство выполненного долга, как в детстве на даче родителей. Да, я не любил ковыряться на грядках, но уж если приезжал и брался за работу, то потом созерцал ее результат с удовольствием.

— А вот и нет, — отозвался брат Пон, чье лицо в лучах клонившегося к закату солнца казалось глиняной маской.

— Почему? — спросил я. — Он сильнее, привычен к подобной работе и все такое.

— Потому что то, чем ты занимался, не имеет никакого отношения к корчеванию, — монах заулыбался, откровенно наслаждаясь моим замешательством. — Бери лопату. Пойдем к храму, а по дороге я тебе кое-что расскажу. История эта случилась с благословенным Татхагатой задолго до того, как он стал Буддой Шакьямуни, но в те времена, когда он уже много тысяч лет шел по пути праведности и мудрости. Воплотился он в теле волчонка.

Я хмыкнул — конечно, «хорошую религию придумали индусы», как пел Высоцкий, но я все еще не верил в эти самые прошлые жизни в различных обликах. Брат Пон не обратил на мою скептическую физиономию внимания — еще в первый мой день в Тхам Пу он сказал: «Меня не интересует, во что ты веришь. Меня волнует, о чем ты думаешь и что делаешь».

— Был Татхагата одним из юных хищников в большом выводке, и жили они в пещере у корней могучего баньяна в густом лесу, — продолжил он как ни в чем не бывало. — Мать-волчица скоро перестала кормить детей молоком, и волк-отец начал приучать их к крови и охоте. Сначала он приносил им куски мяса, косуль, оленей, зайцев, потом стал таскать придушенных зверьков поменьше, чтобы отпрыски могли поиграть с ними, понять, что такое убийство, проникнуться его жестоким духом

и стать настоящими волками, серыми тенями, ужасом джунглей.

Рассказывать брат Пон умел, из его уст занимательно прозвучала бы и инструкция по пользованию ершиком для унитаза.

— Но Татхагата, хоть и в зверином теле, хорошо знал святой закон праведности. Понимал, что нельзя поедать кровоточащую плоть живых существ и тем более лишать их жизни. Поэтому он отказывался от пищи и держался в стороне от жестоких игр, которым предавались на поляне перед логовом его брата и сестры.

— А как... — не удержавшись, осмелился перебить я. — Как он вообще оказался волком?

Ну как так, Будда, великий святой и мудрец, воплощение сострадания и милости — в теле беспощадного хищника?

— Увы, все подвержены действию кармы, даже тот, кто идет по дороге к свободе, — монах развел руками. — Миллионы лет, из жизни в жизнь совершал разнообразные деяния тот, кто позже стал учителем нашей эпохи, и среди деяний тех были не только благие. Пришлось Татхагате принять и это рождение, дабы избавиться от семян неблагого, посеянных в глубоком прошлом, — тех самых семян, что мешали ему обрести окончательную мудрость.

Это я мог понять: если накосячил, то исправляй и только после этого претендуй на просветление и все остальное.